

Александр
МЕНЬ

*Трудный
путь
к диалогу*

Александр Мень

Трудный путь к диалогу

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья»

1988–1990

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Трудный путь к диалогу / А. Мень — «Гуманитарно-
благотворительный фонд имени Александра Менья», 1988–1990

ISBN 978-5-903612-16-4

В сборник «Трудный путь к диалогу» вошли статьи и эссе, большая часть которых публиковалась в 1988–1990 годы в советской печати. Собранные вместе, они отражают напряженные размышления протоиерея Александра Менья о судьбах страны, путях ее развития, о роли культуры и нравственности в конце 80-х годов. Предисловие к книге написано митрополитом Суражским Антонием в 1991 г. Вопросы, поднимаемые в сборнике, остаются актуальными и в наше время.

УДК 2

ББК 86

© Мень А., 1988–1990

© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья, 1988–
1990

ISBN 978-5-903612-16-4

Содержание

Предисловие	6
Вчера, сегодня, завтра	8
Суеверия, разум, вера	8
Трудный путь к диалогу	12
Молодежь и идеалы	19
«Карабах» или «Вифлеем»?	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Протоиерей Александр Мень

Трудный путь к диалогу

© М. А. Мень, текст, 2008

© Издательский дом «Жизнь с Богом», 2008

* * *

Предисловие

Передо мной лежит сборник статей, написанных в разное время, вышедших на страницах различных газет и журналов. Я долго, внимательно в них вчитывался, ища самого отца Александра, и сначала не мог его там найти. Его речь была обращена не ко мне, я не узнавал его голоса. И внезапно мне стало ясно – почему. Когда мы встречались с ним, мы говорили о том, что мы оба знали, чем мы жили, ради чего мы жили. Не нужны были ссылки, цитаты; между нами шла проверка – так ли мы понимаем пути Божии, Его Слово: мысль шла вглубь, в те глубины, где, как в глубинах морских, нет ни волн, ни ряби, ни звуков, а только торжественно царит созерцательное молчание, то молчание, из которого, и только из которого, может прозвучать слово Истины, предельно ясно раскрывающее все то, что можно выразить на человеческом языке. Правдиво сказал один из западных молчальников-картезианцев, что «если мы справедливо называем Христа Словом Божиим, то мы так же справедливо должны прозреть в Боге и Отце то бездонное молчание, из которого только и может прозвучать Слово, являющееся самой Истиной».

Как и я, многие из духовных детей отца Александра станут искать в предлагаемых статьях того наставника, которого они знали, который свою веру переливал из своего сердца в сердца приходящих к нему с уже созревшими вопросами, и не сразу его в этих статьях узнают. Причина тому, как мне кажется, в том, что статьи написаны не только и не столько в ответ на назревшие вопросы, сколько с целью возбудить таковые, заставить читателя призадуматься, развернуть перед его взором как можно более широкую картину человеческой мысли и человеческого опыта – помочь ему вырваться из плена суженного, обедневшего мировосприятия на просторы жизни, такой же глубокой, как сам человек, такой же бездонной, как глубины Божии. Этим объясняется то, что отец Александр приводит примеры из всемирной истории, из литературы всех народов и поколений; призывает как свидетелей той правды, которую он провозглашает, мыслителей и деятелей всех стран и языков. В этом нельзя усмотреть желание похвалиться своей ученостью, начитанностью и в области науки, которую он знал профессионально, и в области всемирной культуры. Но, как святой апостол Павел сказал о себе, он хотел быть «всем для всех», говорить на языке каждого читателя, встретить собеседника на его собственной почве, всего лишь открывая ему доступ к более широкому, к более глубокому пониманию вещей. Он без страха, без стеснения вступал на почву инакомыслящего и бережно раскрывал перед ним горизонты, ему дотоле неведомые, пути, по которым он мог идти, не боясь себя осрамить, ибо если величайшие умы древности и современности, и писатели, и ученые, и философы, и политические теоретики и деятели, могли быть верующими, то каждый имеет право на веру. Основой статей отца Александра Меня служила двоякая вера – вера в Бога, Которого он знал внутренним своим опытом, и вера в человека, но не ушибленного, умаленного человека, каким его представляет себе безбожник, а человека столь великого по призванию, столь глубокого, что он может – не переставая быть тварью и самим собой – «приобщиться к Божественной природе», по слову святого апостола Петра. «Если хочешь узнать, как велик человек, подыми взор к Престолу Божию, и увидишь Человека (Христа), сидящего одесную Бога и Отца».

Эти статьи могут, должны каждого пробудить к вере в человека, раскрыть его понимание, научить каждого, кто хочет быть учеником и последователем отца Александра Меня, открыться «внешним», принять их в свое сердце, научиться говорить с ними их языком, чтобы наша речь стала животворной струей, росой, благодаря которой чахнувшие души вздрогнут и оживут. Только тогда станем мы, читающие статьи отца Александра, его последователями, наследниками. В свою меру и он обращается к нам со словами Спасителя Христа: «Я вам дал пример – последуйте ему!» Пусть каждый прикоснувшийся к его светлой и мудрой душе воз-

благодарит Бога за то, что и в наше безвременье есть подобные ему свидетели Веры, Жизни, Правды – и Божией, и человеческой.

Митрополит Сурожский

+ АНТОНИЙ (1991 г.)

Вчера, сегодня, завтра

Суеверия, разум, вера

В пятом номере журнала «Горизонт» за 1988 год появилась новая рубрика «Мировоззрение», которая открывается интересной статьей Александра Гангнуса «Демократия духа». Автор остро ставит вопросы об атеизме и суеверии, разуме и вере и, как мне кажется, приглашает к дискуссии.

Дискуссия – добрый симптом, отражающий основную тенденцию перестройки и обновления нашего общества. Ведь то безоговорочное «единомыслие», о котором когда-то мечтал Козьма Прутков, – лучшее средство создавать и поддерживать застой. Разнообразие мнений, напротив, не только помогает критически и творчески мыслить, но и ведет к более полному пониманию оппонентов и более глубокому обдумыванию собственной позиции.

До недавнего времени мы, верующие, – священники и миряне – почти не участвовали в обсуждении мировоззренческих и общественных тем. У нас была лишь возможность выступать по вопросам защиты мира, которые, говоря откровенно, имеют в основном внешнеполитическую направленность (едва ли в нашей стране нужно кого-нибудь убеждать, что война – это зло).

Сейчас ситуация изменилась. В печати неоднократно подчеркивается, что хотя Церковь и отделена от государства, от общества верующие не отделены. Эпоха гласности побуждает многих из нас к открытому выражению своих точек зрения.

Разумеется, в этой короткой заметке-реплике невозможно всесторонне обсудить темы, поставленные в статье Александра Гангнуса. Но ведь и сам он не претендовал на подобную полноту.

Исходным его тезисом является выделение трех подходов к проблеме веры и разума, сложившихся в настоящий момент. Это, во-первых, капитуляция перед иррационализмом, во-вторых, «прокурорская» тенденция запретительства и, в-третьих, признание нравственности единственной точкой соприкосновения между религией и атеизмом. Все три подхода Александр Гангнус считает (и не без основания) «ущербными» и выдвигает четвертый – критический, который, по его словам, требует «полной правды и гласности». С этим вполне можно было бы согласиться, если бы не создавалось впечатление, что автор статьи является сторонником абсолютного рационализма и видит в научных методах, в рассудке, в «здравом смысле» последнюю инстанцию для решения всех мировоззренческих вопросов. Поэтому мне бы хотелось дополнить его концепцию, внося в нее некоторые существенные коррективы.

В статье справедливо констатируется, что за последние десятилетия сильно возрос интерес к парапсихологии, экстрасенсам, НЛО и другим нестандартным явлениям. Несомненно, прав автор и в том, что этот интерес зачастую переплетен с нездоровой сенсационностью, эксцессами и суевериями. И все же я не торопился бы огульно относить всю такого рода «экзотическую» проблематику к области чисто иррациональной. Данные о необычайных феноменах все еще требуют тщательного анализа, результаты которого нельзя догматически предрешать. Известно, что в истории многие открытия сопровождались ошибочными толкованиями и вначале вызывали резкое неприятие. Итак, подход должен быть объективным: если факты подтверждаются, их следует принять, если нет – либо отвергнуть, либо ждать дальнейших исследований. Пока же вопрос, по-моему, остается открытым. Но еще раз подчеркну: тут неуместна дилемма «верить или не верить». Если, например, будут найдены бесспорные следы космических пришельцев, значит, они существуют. Ведь их реальность относится вовсе не к области

веры, а к компетенции науки (имею в виду так называемые естественные науки, так как гуманитарные слишком идеологизированы).

Другое дело – вечные вопросы, которые не поддаются экспериментальной проверке с помощью научных методов. Это вопросы о смысле жизни, конечных причинах, духовном бытии, высшей Реальности. Они носят иной характер и опираются на иной опыт, отличный от научного. Здесь спорят не осязаемые факты, а различные убеждения и формы веры. Эволюция культуры немыслима без этого диалога, дискуссии мировоззрений.

Иметь мировоззрение, веру, принципы – привилегия человека. Опытным путем познают мир и животные (конечно, на своем уровне), но мировоззрения они, естественно, иметь не могут.

Научные методы и данные лишь способствуют конкретизации тех или иных взглядов, будь они атеистические или религиозные. Но сам источник убеждений любого типа коренится не столько в материальном опыте, сколько в опыте духовном, внутреннем, проистекает из определенного видения мира. Атеизм существовал в Индии, Греции и Китае, когда наука была еще в зачатке, а религия эволюционирует и в эпоху НТР.

Как верно заметил известный английский историк Арнольд Тойнби, неверующих, строго говоря, не существует.

Все люди имеют какую-либо веру, осознанную или бессознательную. Вера в безначальность Вселенной имеет не больше экспериментальных доказательств, чем вера в Творца. Для атеиста законы природы являются аргументами против бытия Божия, а для религиозного человека как раз эти законы и свидетельствуют о вселенском Законодателе. Его не может смутить развитие научных знаний. Скорее наоборот. Чем сложнее представляется ему природа, тем совершеннее должна быть ее первопричина. «Вселенная, – писал астроном Джеймс Джинс, – постепенно вырисовывается скорее как великая мысль, чем как большая машина».

Кроме веры и науки, в сознании всех обществ определенную роль издавна играли суеверия. Но в отличие от науки и религии они никогда не обладали той могучей культуротворящей силой, которая присуща великим религиозным учениям. Именно эти учения породили философию Платона и фрески Аджанты, собор св. Софии и «Троицу» Андрея Рублева, вдохновляли Данте и Баха, Паскаля и Достоевского. От идей, которые питали чудесные плоды мировой культуры, нельзя отмахнуться как от суеверий, как от интеллектуальной плесени, как от издержек человеческого духа. И в то же время эти идеи далеко не исчерпывались рациональным аспектом.

Гёте как-то сказал, что в подлинной реальности при анализе всегда будет обнаруживаться некий неразложимый остаток. Точно так же глубинная сущность религиозного опыта не может быть полностью вскрыта с помощью рассудочного скальпеля. И в этом религиозная вера отнюдь не является исключением, обнаруживая родство с тайнами любви, поэзии, музыки, искусства вообще. Никто не станет отрицать, что произведения литературы, подчиненные рассудочным схемам, сухи и безжизненны. Жизнь сложнее схем. В ней есть много такого, что, как говорил Шекспир, не снилось нашим мудрецам.

Чистая рациональность может стать духовно убийственной. В свое время Карел Чапек изобразил цивилизацию, построенную на одном рассудке, в виде царства трудолюбивых и ограниченных саламандр, а советский фантаст Север Гансовский в замечательном рассказе «День гнева» изобразил искусственно созданное племя монстров-отарков, которые, хотя и знали высшую математику, оставались кровожадными хладнокровными хищниками. Это грозные «антиутопические» предупреждения людям. Одной лишь науки, знания, разума для развития человеческого духа и человечности недостаточно. У науки нет ответов на вопросы этики и смысла бытия.

Я хочу быть правильно понятым. Религия не выступает поборницей абсолютного иррационализма. Иррационализм способен принимать и атеистические формы. Достаточно вспом-

нить имена Шопенгауэра и Ницше, Камю и Сартра. И наоборот, многие религиозные мыслители, в частности русские (П. Чаадаев, Б. Чичерин, С. Трубецкой, С. Булгаков и др.), высоко ставили роль разума и науки.

У Гилберта Честертона, хорошо известного нашим читателям по его детективам, есть рассказ-притча (впрочем, все рассказы Честертона – притчи) «Бриллиантовый крест». В нем отец Браун, своего рода «христианский Шерлок Холмс», разоблачил преступника, прикинувшегося богословом. Тот энергично ругал науку, полагая, что так он легче сойдет за теолога. Но именно на этом-то он и попался.

Конечно, здесь могут привести хрестоматийные примеры церковного обскурантизма и гонений на ученых в прошлом. Однако надо учесть, что сами гонители тоже ссылались на науку, пусть к тому времени уже устаревшую (в частности, на систему Птолемея). Вся беда шла не от христианства, а от нетерпимости и применения «силовых приемов» в споре. Но это в равной степени может быть недугом и христиан, и атеистов (взять хотя бы трудную судьбу генетики, космологии, кибернетики и т. д.).

Очень верно было сказано, что сон разума рождает чудовищ. Но не менее страшных чудовищ – саламандр и отарков – может произвести абсолютный рационализм.

Где же выход? Думается, что путь к истине нужно искать не в односторонней рассудочности и не в темном иррационализме, а в органическом взаимодействии разума и интуиции, веры и знания.

Этот принцип еще со времен отцов Церкви постоянно разрабатывало христианское богословие. В русской религиозной мысли он был четко сформулирован Владимиром Соловьевым, который утверждал, что сложной иерархической структуре реальности соответствуют три основных метода постижения: материальная действительность познается эмпирической наукой, идеальный план – отвлеченной философией, высшая же духовная реальность постигается интуитивным опытом. У каждого рода знания своя собственная сфера, и они не должны служить препятствием друг для друга.

Если К. Э. Циолковский, разрабатывая теорию реактивных двигателей и космических полетов, опирался на эмпирическое знание и математику, то совсем иначе он пришел к идее Причины космоса, которая, по его словам, «есть высшая любовь, беспредельное милосердие и разум».

Дифференцированный подход к бытию отвечает самой природе человека, которая отнюдь не однородна. В ней действуют элементарный рассудок и отвлеченный разум, интуиция и чувство. Гармоничность индивидуума определяется сбалансированным соотношением этих начал. Точно так же пути постижения, при всем их качественном своеобразии, не изолированы, а находятся во взаимодействии. Об этом красноречиво свидетельствует история мысли.

«Интуиция, вдохновение, – писал Владимир Иванович Вернадский, – основа величайших научных открытий». А Альберт Эйнштейн в своей статье «Религия и наука» утверждал, что для ученых немаловажным стимулом была их «глубокая вера в разумное начало мироздания». По его словам, «знание о том, что есть сокровенная Реальность, которая открывается нам как высшая Мудрость и блистающая Красота, – это знание и это ощущение есть ядро истинной религиозности». Чарлз Таунс, лауреат Нобелевской премии, один из создателей квантовых генераторов, считает даже, что в будущем религиозные учения и научные теории придут к существенному единству.

В любом случае тот факт, что многие выдающиеся ученые наших дней, такие, например, как Тейяр де Шарден, священник П. Флоренский, Тимофеев-Ресовский (герой романа Д. Гранина «Зубр»), были религиозными людьми, показывает, что гармония между верой и наукой возможна.

«История всех времен и народов, – пишет Макс Планк, – весьма убедительно свидетельствует о том, что из непосредственной, незамутненной веры, которую религия внушает своим

последователям, живущим деятельной жизнью, исходили самые сильные стимулы и значительные творческие достижения, причем в области социальной не меньше, чем в области искусства и науки».

Конечно, это возможно лишь при том условии, что религия избегает участи быть «опиумом». Впрочем, им может стать и музыка, и искусство, и многое другое. Но подлинная религиозная вера не уводит от жизни и действия. Менее всего она была «анестезическим средством» для апостола Павла, Яна Гуса, Махатмы Ганди, матери Марии, Альберта Швейцера или Мартина Лютера Кинга...

Не случайно, что человека еще в древности называли микрокосмом, малым миром. Он и в самом деле включает неорганические, растительные и животные элементы. Но он не произвел их. Они даны ему природой, из которой он продолжает черпать силы для своего существования. Если же говорить о специфическом, уникальном свойстве человека, отличающем его от зверя, то оно складывается из мысли, творческого дара, сознания, совести – словом, того, что принято называть духом. Мы, христиане, верим, что дух, подобно плоти, дан человеку; однако, будучи нематериальным, он имеет и нематериальное происхождение. Как тело есть часть природы, так дух принадлежит к духовному измерению бытия. Тело подчинено закону распада, дух причастен Вечности.

Говоря библейским языком, личность человека несет в себе образ и подобие Творца. Поэтому Евангелие провозглашает ее высшую ценность. Христианство отказывается рассматривать личность только как часть «массы» или средство. Знаменательно, что, согласно евангельской притче, пастух оставляет девяносто девять овец, чтобы отыскать одну, пропавшую. «Какая польза человеку, – говорит Христос, – если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» Богатство души умножается тем, что человек отдает: в любви, в труде, в служении. По учению Евангелия, Бог открывается людям как их Отец и тем самым делает их братьями.

Здесь, в персонализме Нового Завета, мне кажется, можно найти общую почву для христиан и представителей всех видов гуманизма – религиозного и светского. Почву, на которой возможны диалог и сотрудничество, а также совместная борьба против антигуманных сил.

Какими бы кардинальными ни были различия наших взглядов, у нас есть немало общих задач в сфере развития личности и свободы, справедливости и милосердия, права и семьи, в сфере социальных и национальных отношений, в вопросах выживания человеческого рода, экологической и трудовой этики. Во все это христиане могут внести свой вклад. Но без умения уважать друг друга, уважать чужие взгляды нам не обойтись.

И у верующих, и у атеистов в прошлом было достаточно темных страниц. Об этом надо говорить честно и открыто. Призыв к покаянию, прозвучавший в фильме Абуладзе, касается и Церкви. Но не менее важно не просто сводить старые счеты, а начать спокойный диалог. Терпимо и терпеливо разбираться в общих проблемах. Работать вместе над созданием лучших условий для духовной и материальной жизни людей.

Трудный путь к диалогу (О романе Грэма Грина «Монсеньор Кихот»)

Действие романов Грэма Грина нередко происходит в краях, далеких от его родины. Это объясняется не просто тем, что писатель много путешествовал, или его любовью к экзотике. Грина притягивают те районы земли, где героев легче всего поставить в экстремальную ситуацию, где особенно бросаются в глаза язвы нашего столетия: произвол и цинизм политиков, бесправие, нищета, невежество. Когда же он обращается к Европе, то обычно выбирает напряженные, кризисные моменты ее истории («Ведомство страха», «Десятый» и др.). При этом он далек от мысли, что драматизм жизни обусловлен исключительно внешними, политическими и общественными, факторами. С какой бы страной он ни связывал судьбу своих героев – с Англией или Францией, Мексикой или Вьетнамом, – на первом месте у него стоят вечные вопросы о добре и зле, долге и компромиссе, мужестве и избрании жизненного пути. Он всегда готов срывать маски с фальшивых авторитетов и умеет находить героизм там, где его меньше всего ожидаешь найти.

Новая книга Грина переносит нас в Испанию 70-х годов, которая после смерти генералиссимуса Франко стоит на распутье. Коммунисты вышли из подполья. Церковь, уже при Франко ставшая на путь оппозиции деспотизму, все более склоняется в пользу демократических преобразований. Но сторонники жесткого режима все еще рвутся к власти, создавая атмосферу подозрительности и страха.

К восприятию «Монсеньора Кихота» наш читатель в какой-то степени уже подготовлен недавними выступлениями Грина в Москве, когда он много раз публично выражал надежду на возможность не только диалога, но и сотрудничества между христианами и коммунистами. Говорил он об этом с улыбкой, сознавая, что высказывает идею, непривычную для советской аудитории (ведь речь шла о традиционно конфликтующих мировоззрениях). Парадоксальность его заявлений усугублялась еще и тем, что Грин, католик (пусть и свободомыслящий), критиковал равно и марксистов, и Ватикан.

В таком же парадоксальном ключе построена его книга «Монсеньор Кихот», одновременно и философская, и немного озорная.

Надо заметить, что Грин, говоря о серьезных вещах, как правило, уклоняется от серьезного тона. Трудно отделаться от впечатления, что он хочет любой ценой избежать ложного пафоса и для этого использует как камуфляж иронию, сатиру, юмор, подчас даже грубоватый, прячась за парадоксами, как то издавна было принято в английской литературе.

Вероятно, в этом заключен один из ответов на вопрос, почему «Монсеньор Кихот» представляет собой своеобразную параллель к эпопее Сервантеса. Именно Сервантес с удивительным искусством раскрыл величие своего «благородного безумца», рассматривая его сквозь призму иронии.

Можно найти и другую причину того, что патроном своей книги Грин избрал Сервантеса.

Фигуры Рыцаря печального образа и его оруженосца иногда толкуются как «литературный миф», как символ двух противоречивых ликов одной души (подобно Фаусту и Мефистофелю у Гёте). Отправляя в путешествие священника и коммуниста, которые считают себя потомками героев Сервантеса, Грэм Грин дает понять, что их связывает глубокое родство, гораздо большее, чем кажется на первый взгляд.

Монсеньор Кихот – простодушный и кроткий старик, склонный, однако, к независимым мыслям, сомнениям и нестандартным поступкам. Во многом он напоминает персонаж другого английского романа – миссионера из книги Арчибалда Кронина «Ключи Царства», хотя характер веры у них разный. У кронинского отца Чисхолма она коренится в выстраданном духовном опыте; у отца Кихота ее в большей степени определяет верность призванию и долгу. Оба

священника – «неудобные люди» в глазах своего начальства, оба находятся с ним не в ладах, но оба до конца сохраняют верность Церкви.

Верен своей партии и мэр-коммунист Санчо, невзирая на то, что его тоже периодически охватывают сомнения. Как и подобает потомку Санчо Пансы, он трезвее и практичнее отца Кихота, но все же в нем слишком много идеализма, чтобы быть точным двойником своего предка. Не случайно в глухом, провинциальном городке единственным человеком, который ему душевно близок, оказывается, как ни странно, католический священник.

Они постоянно спорят и поддевают друг друга, но этот спор идет на равных, поскольку оба находятся в сходном положении и оба в каком-то смысле ощущают себя аутсайдерами.

За смешной и печальной историей двух друзей, пустившихся, как некогда герои Сервантеса, навстречу приключениям, в романе стоит раздумье о людях, исповедующих «две веры», осевшие для нашей эпохи.

Разумеется, Грэм Грин знает, что кроме этих «двух вер» существует немало и других религиозных, политических и философских доктрин. В его собственных книгах изображаются подчас самые экстравагантные культы, вроде вудуизма. Но он знает и то, что по сей день христианство и марксизм остаются ведущими и наиболее влиятельными учениями, хотя бы по числу своих приверженцев.

Следует сразу оговориться: марксистский атеизм интересует писателя-католика больше как учение, а не как политическая система, принятая в том или ином государстве. Точно так же и христианство не исчерпывается для него системой католических церковных институтов. Хотя в романе к месту и не к месту поминаются имена Ленина, Сталина, Троцкого, главным остается противостояние идей, а не политическая реальность социальных структур.

К этим структурам Грин в лучшем случае относится весьма прохладно и с большой долей скептицизма. Церковных и партийных функционеров он обычно наделяет чванством, нетерпимостью, узостью взглядов и черствостью. Из книг Грина можно заключить, что при господстве политических бонз и клерикальных чиновников лучше всего живет законопослушным бескрылым обывателям, ловким проходимцам и бюрократам.

Спору нет, в этом заключена печальная доля правды, но отнюдь не вся правда. Иначе у христианства и марксизма было бы куда меньше умных, убежденных и жертвенных последователей.

Объективность требует признать, что две ведущие мировые силы обладают мощной притягательностью, что идеи их намного богаче, чем может показаться при чтении незатейливых перепалок отца Кихота и мэра Санчо.

Понимают это, по-видимому, и сами герои романа. Когда речь заходит о сути дела, Санчо, задумавшись, вынужден согласиться, что эмблемы обеих «вер», его и Кихота, каждая по-своему, «символизируют протест против несправедливости». Хотя он напоминает монсеньеру о разделяющей их «глубокой пропасти», Грин ни на минуту не дает забыть, что на противоположных ее краях стоят люди, которые понимают и любят друг друга.

Вместо анафемы – протянутая рука.

Вместо «образа врага» – «образ друга».

Думается, подобный подход подсказан Грину тем небывалым прежде сотрудничеством христиан и марксистов-оппозиционеров, с которыми он познакомился в странах Латинской Америки. Он наверняка читал известный документ чилийской компартии, в котором сказано, что Церковь «много сделала для защиты преследуемых и страдающих, став голосом тех, кто лишен права голоса, кто подвергается гонениям со стороны тирании. Ее действия создали условия, способствующие нынешнему сотрудничеству христиан и марксистов во имя Чили и ее народа, и помогают созданию основ для творческого и плодотворного существования в будущем».

Грину, видимо, знакомы и взгляды тех коммунистов, которые считают, что у «христиан есть основания, чтобы участвовать в движении за демократические перемены и содействовать построению более справедливого общества».

С другой стороны, писатель хорошо знает о так называемом «богословии освобождения», которое было популярно среди латиноамериканских католиков в 60–70-е годы. Именно идеи «богословия освобождения» звучат в эпилоге романа Грина «Комедианты». При погребении повстанцев гаитянский священник-метис говорит: «Церковь живет в мире, она часть мирских страданий, и, хотя Христос осудил ученика Своего, отсекавшего ухо рабу первосвященника, сердца наши с теми, кого муки людские побуждают к насилию. Церковь против насилия, но равнодушная она осудит еще суровее. На насилие может подвигнуть любовь, от равнодушия же этого ждать нельзя. Одно есть несовершенство милосердия, другое – совершенный облик себялюбия...»

Грин убежден, что именно «протест против несправедливости», стремление защитить страдающих создают мост между марксистами и христианами. Эта мысль писателя подтверждается опытом европейского Сопротивления, а православным людям она понятна по опыту Отечественной войны, когда они, словно забыв о недавних трагических событиях – о гибели сотен тысяч верующих, жертв сталинского террора, – сохранили дух солидарности, сражались и трудились вместе со своими неверующими согражданами.

Герои «Монсеньора Кихота» постоянно приходят к выводу, что оба живут верой, в частности верой в лучшее будущее, хотя каждый понимает его на свой лад, что в той и другой «партии» есть как истинные последователи, так и те, кто использует ее для удовлетворения своего властолюбия, карьеризма или для того, чтобы сбросить с себя груз ответственности. Монсеньор уважает искренность взглядов своего спутника. Мало того, в мечтах он представляет себе, «как будет крепнуть их дружба и углубляться взаимопонимание и даже наступит такой момент, когда их столь разные веры придут к примирению».

Что это? очередной парадокс Грэма Грина? Или еще одна попытка сблизить евангельское учение и марксизм? Такие попытки действительно существовали, и Грину они известны. Наши читатели могли познакомиться с ними через книгу Хьюлетта Джонсона «Христиане и коммунизм», изданную в русском переводе в 1957 году. Покойного настоятеля Кентерберийского собора настолько увлекла эта идея тождества двух доктрин, что в своей книге он дошел до весьма странного утверждения, будто Иисус Христос лишь провозгласил нравственный идеал, а Сталин осуществил его на практике...

Но даже если оставить в стороне подобные эксцентричности, вызвавшие в Англии настоящий шок, и взять идею в ее умеренной форме, Грин вряд ли целиком ее разделяет. Он прежде всего имеет в виду общие черты «двух вер» и возможность их конвергенции в жизненной практике.

И все же ради сближения марксизма и христианства Грину, быть может, невольно, приходится упрощать и то и другое. Разбросанные по книге цитаты из «Манифеста Коммунистической партии» и трудов отцов Церкви нехарактерны и маловыразительны. И едва ли верна аналогия между «Манифестом», христианской классикой и обветшалыми рыцарскими романами, которые читают и которым верят одни чудаки.

В рассуждениях отца Кихота совсем незаметны те перемены, которые произошли в католическом христианстве после II Ватиканского Собора (может быть, этим подчеркнута провинциальность монсеньера?). Нравственные доктрины по-прежнему заключены для него в прокрустово ложе нудной казуистики. Болезненная и трудная проблема регуляции рождаемости выглядит в дискуссиях друзей почти фарсом. Не желая, видимо, чтобы его сочли безоговорочным апологетом Церкви, Грин вкладывает в уста отца Кихота мало убедительных доводов и не отдает преимущества ни одной из спорящих сторон.

В результате, хочет того Грин или не хочет, коренное различие христианства и марксистского атеизма в романе почти стирается.

Остается только поверхностное сходство.

И здесь и там – вера в будущее; и здесь и там – мечта о лучшей участи для людей; и здесь и там – столкновение между бюрократами и энтузиастами.

В действительности дело обстоит куда сложнее.

Можно принять точку зрения писателя, считающего, что в обоих случаях мы имеем дело с определенной суммой верований. Ведь как нельзя эмпирически доказать реальность Высшего Начала и грядущего Царства Божия, так нет эмпирических доказательств неизбежности наступления на земле светлого будущего. История, скорее, напротив, свидетельствует, что тирания и варварство возвращаются вновь и вновь с неизменным упорством.

И если Грин называет христианство и марксизм «верами», это не значит, что он умаляет их роль и ценность. Именно интуитивная вера рождает различные формы мировоззрений, для которых уже потом люди подыскивают обоснование и подтверждают их научными и логическими аргументами. Даже для естествознания вера оказывается важной предпосылкой. Эйнштейн, в частности, подчеркивал, что нельзя изучать природу, не веря в то, что она рационально устроена.

Люди обычно уподобляются слепцам из индийской притчи, которые пытались определить, что такое слон, ощупывая отдельные части его тела. Ни интуиция, ни эмпирическое, ни логическое знание не могут охватить во всей полноте многомерную Реальность. Отсюда и разнообразие, противоречивость, расхождение верований.

При честном диалоге каждая из сторон должна отчетливо видеть эти расхождения. Иначе возникает путаница, которая мало способствует взаимопониманию.

Марксистский атеизм выступает как «посюсторонняя», секулярная идеология. Он со всей определенностью ограничивает бытие природными и общественными силами и их отражением в человеческом сознании. В этом пункте он, по существу, не отличается от других видов атеизма, один из которых описан Грином в романе «Сила и слава». Его герой, мексиканский лейтенант, подобно гонимому им священнику, имеет свою веру, хотя и атеистическую. «Есть мистики, – читаем мы в романе, – которые говорят, что имели опыт непосредственной близости Бога. Он (лейтенант. – А. М.) тоже был мистиком, но его опыт говорил о пустоте – он был совершенно уверен в том, что есть лишь гибнущий, остывающий мир и человеческие существа, развившиеся из животных безо всякой цели». Однако в отличие от такого пессимистического атеизма марксистский атеизм цели не отрицает. Он верит в возможность достижения справедливого порядка, который будет способствовать раскрытию всех положительных начал в человеке. В этой вере – его главная надежда и источник сил для борьбы.

Христианство обладает иным видением. Оно исповедует веру в то, что последняя Реальность – это не бездушная материя, случайным образом породившая разум, и даже не холодная далекая Первопричина мира, а Бог Живой, с Которым человек связан незримыми узами. Оно утверждает, что как тело человека воспроизводит основные элементы Вселенной, так и его бессмертный дух есть отображение Духа Мирового. Высшее достоинство человека, согласно Библии, определяется не только тем, что он есть образ и подобие Творца, но и тем, что Бог явлен людям в лице Христа, через Которого Он возвышает их до Себя. Впереди христианство видит эсхатологическую цель – конечное преображение человечества и мироздания: «новое небо и новую землю». Величайшей динамической силой на пути к этой цели Евангелие провозглашает любовь.

Всякое убеждение, всякая идея вообще, согласно традиционному марксистскому тезису, проверяется практикой, что вполне приложимо и к христианству, к религии. Но «практика» религии реализуется прежде всего во внутреннем духовном, нравственном опыте человека. Именно в том, что радикально отличает нас от животных.

Вот почему христианство сосредоточено на личности человека, имеющей для него абсолютную ценность. А полнота бытия личности невозможна без свободы.

Здесь Грэм Грин нащупывает наконец специфику христианской веры. В полном согласии с фундаментальными идеями Библии его отец Кихот настаивает на важности свободного выбора, перед которым поставлен человек. Это то смелое волевое решение, или «риск веры», о котором говорил в своих «Мыслях» Блез Паскаль. Бог выше «пропаганды»; Он не «навязывает» Себя. Он ждет от сынов человеческих веры, которая тождественна безусловному доверию Его воле. Тот, кто религиозен лишь под влиянием страха, еще не познал подлинной библейской веры. Потому-то отцу Кихоту кажется столь отталкивающей мысль о религии, «заикленной» на идее небесного возмездия. Он считает, что «править с помощью страха» недостойно Творца. «Господь Бог, – говорит он, – вполне бы мог предоставить это Гитлерам и Сталиным. Я верю, что смелость – это добродетель. Я не верю, что трусость тоже добродетель».

Издавна люди задавались вопросом, почему, если Бог существует, Он не явил Себя с полной очевидностью, чтобы подавить не верящих Ему Своим необоримым могуществом. Но в глазах потомка Дон Кихота это стало бы величайшим посягательством на человеческую свободу. Насилием, столь же противным подлинной вере, как и непроверяемые научные или логические аргументы, от которых некуда деваться...

Священник видит сон: Христос сходит с креста и вынуждает Своих палачей в ужасе склониться перед Ним. Отец Кихот ощущает такую возможность как гнетущий кошмар. И хотя для многих подобный исход Голгофы был бы самым желанным, герой Грина отшатывается от него. В этом отказе торжествует вера как мужество, как готовность свободно устремляться навстречу неведомому.

Заметим, что в русской религиозно-философской мысли проблема свободы была одной из важнейших. Она, в частности, занимала центральное место в творчестве Николая Бердяева, которое еще ждет у нас изучения и признания. Бердяев показал, что в христианском сознании идея свободы носит глубоко духовный характер. Она не сводится к социальному эгалитаризму. Чаяние «царства свободы», выраженное в марксизме, нельзя отождествлять с обетованием Иисусовым: «Вы познаете истину, и истина сделает вас свободными» – или со словами апостола Павла: «К свободе призваны вы, братья!»

Но Бердяев же показал, что христианский персонализм не рассматривает личность человека как нечто изолированное и самодовлеющее. Хотя она бесконечно больше «суммы общественных отношений», но может проявлять себя и совершенствоваться только в контакте, во взаимодействии с другими личностями. Иными словами, христианство, являясь чисто религиозной верой, в конце концов, включает и социальную сферу. Отстаивая достоинство человека, оно не может быть равнодушным к социальной несправедливости.

Правда, отцу Кихоту, как и многим христианам, не раз приходилось выслушивать упрек, что за века своего внешнего господства Церковь сделала слишком мало для «страждущих и обремененных», предпочитая поддерживать сильных мира сего. Но упрек этот не совсем справедлив. Этические (а следовательно, и социальные) идеалы Евангелия никогда не оставались мертвой реликвией, отрезанной от жизни и ее жгучих общественных проблем. Уже в первые века христианства отцы Церкви выступали против социального зла. Василий Великий и Иероним Стридонский расценивали угнетение как грех, а богатство называли ограблением бедных. Сознали отцы Церкви и важность правовых норм. В книге «О Граде Божиим» Аврелий Августин писал: «Что представляют собой государства, лишённые справедливости, как не большие разбойничьи шайки? И сами разбойничьи шайки не являются ли такими государствами в миниатюре?» Теперь у нас уже всеми признано, что Церковь не была бездействительна в общественной сфере. Она служила делу милосердия, создавала школы, больницы, приюты, благотворно воздействовала на нравы народов и нередко опережала в этом светские институты. Без влияния христианских этических принципов трудно представить себе не только гуманизм

Достоевского или Швейцера, но даже само марксистское понятие о справедливом обществе. Ведь в значительной мере идея справедливости связана с антитезой добра и зла, которой наука не знает.

Разумеется, далеко не все члены Церкви были на высоте собственного этического идеала. Однако в этом они походили на последователей всех других учений. Мэр Санчо с негодованием говорит об авторитарном деспотизме Франко, считавшего себя католиком, об инквизиторе Торквемаде и других темных явлениях в истории христианства. Но и сам мэр-коммунист чувствует, что его аргументы в споре с Кихотом слабы, если вспомнить, как он выражается, о «нашем бедном Сталине» (ответственность за такое определение, как и за необдуманные слова, будто в сталинских лагерях люди «трудились во имя будущего своей Родины», несет, конечно, не Грин, а его герой).

Подобную «перестрелку» можно было бы вести бесконечно, отыскивая все новые и новые примеры. В самом деле, если атеисты любят вспоминать о трагической судьбе Бруно и Галилея, то их оппоненты могут возразить, что участь Вавилова и Чаянова и многих других была не легче. Словом, каждая сторона остается при своем, и впереди виден лишь тупик...

Есть, однако, надежда, что выход из него существует.

В поисках этого выхода хочется напомнить об одном полузабытом слове. Том слове, которым назван потрясающий мир фильм Тенгиза Абуладзе.

Покаяние! Грин знает о нем и фактически к нему призывает. Он как бы говорит: если партия, созданная Лениным, сегодня находит в себе смелость откровенно говорить о преступлениях, омрачивших ее прошлое, то для христиан такой поворот событий не может служить поводом для злорадства, а должен побуждать их самих последовать примеру честных коммунистов.

Ведь в христианском покаянии есть не только личный план, но и общецерковный.

Правда, у нас, православных, инквизиции не было. Но это еще не значит, что мы не нуждаемся в нравственном пересмотре и переоценке нашего прошлого. На христианском Востоке тоже были и преследования инакомыслящих, и неправомерное смешение религии с политикой, и жесткая цензура, и союз с силами подавления. Достаточно напомнить о репрессиях против павликиан и богомилов в Византии, против древнерусских еретиков и реформаторов, против старообрядцев и сектантов. Да, были и костры, и застенки, и тюрьмы, и ссылки. Все это было. И совершалось под прикрытием высокого евангельского учения, подобно тому, как террор во Франции осуществлялся под благородным девизом «Свобода, равенство, братство»...

Давно замечено, что нетерпимость, фанатизм – будь то религиозный или атеистический – есть проявление не столько веры, сколько неуверенности. Когда человек сомневается в своей правоте, когда ощущает шаткость своей позиции, у него часто возникает соблазн пустить в ход кулачные приемы доказательства, чтобы и себя утвердить, и других заставить замолчать. Нетерпимость есть род душевного недуга, способного извратить любую, даже самую светлую, идею.

Но у фанатизма есть антипод, который ничем его не краше. Вспомним о словах проповедника из «Комедиантов», говорившего о грехе равнодушия. Именно равнодушие, бездуховность или, как выражался Бердяев, «духовная буржуазность» создает то послушное и безгласное панургово стадо конформистов, о котором гневно писал Пушкин:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.

Бездуховная пошлость профанирует все святое. Она подлинный антагонист христианства, более опасный для веры, чем тирания и тем паче честный атеизм. Монсеньор Кихот, готовый молиться за упокой души Франко и Сталина, находящий у Маркса мудрые мысли, теряет самообладание, когда видит кощунственный крестный ход со статуей Богоматери, обклеенной кредитками. И по примеру своего предка-рыцаря устремляется в бой.

Выходит, ему вовсе не свойственно «примиренчество», смотрящее на все сквозь пальцы. Сострадательный, кроткий, он в решительный момент вступает в борьбу. Его не останавливает опасение, что люди сочтут его, как и Дон Кихота, сумасшедшим.

Так по узкой тропе между двумя пропастями – слепым фанатизмом и мертвенным равнодушием – совершается трудный путь к диалогу. Это путь покаяния и свидетельства о своей вере словом и делом.

Мы, и христиане и атеисты, лучше пойдем друг друга, если, оставаясь самими собой, будем работать, исполняя каждый свой человеческий долг. При всем различии наших мировоззрений у нас есть и общее поле для труда, и общие опасности. «Политические и экономические успехи исторически преходящи, – говорил не так давно в Казани Александр Яковлев. – Вечен человек, и непреходящи его нравственные ценности. Его жизнь, его радости и тревоги, надежды и разочарования, его вера и сомнение – словом, все то, что выражает суть человеческого бытия». Под этими словами коммуниста новой формации подпишется, я думаю, любой христианин, любой верующий.

Дружба со священником не превратила Санчо в католика, но он чувствует, что между ними установилась внутренняя связь, над которой не властны время и даже смерть. В свою очередь отец Кихот отнюдь не стал марксистом, но он нашел в лице Санчо настоящего брата, который, он верит, «недалек от Царства Небесного». И символом этой веры становится незримая Чаша, из которой умирающий потомок Дон Кихота причащает потомка Санчо Пансы.

Дух, пронизывающий роман Грина, характерен для нашего бурного и противоречивого века, который отмечен не только насилием и жестокостью, но и страстным стремлением людей к миру и взаимопониманию. Именно сейчас, на исходе XX столетия, мы со всей серьезностью стали задумываться над тем, куда ведет раздувание «образа врага».

Война верований, идеологий, систем имеет долгую и мрачную историю. Но постепенно человечеству становится все яснее, что культивируя ненависть – религиозную, политическую, национальную, – оно раздирает самое себя, приближает тот рубеж, где маячит призрак апокалипсической катастрофы.

Поэтому сегодня вопрос об отношениях между «верами» (пользуясь терминологией Грина) приобретает необыкновенную остроту.

Можем ли мы, столь разные, все-таки жить вместе на одной Земле?

Вселенная, природа, а в понимании христиан – Провидение уже ответили на этот вопрос, поставив человека перед лицом грозной правды.

Если не сможем – неизбежно погибнем...

(Статья была напечатана в журнале «Иностранная Литература», 1989, № 1, с. 209–213).

Молодежь и идеалы

Почему, когда речь заходит о болевых точках общества, так часто выплывает вопрос о молодежи?

И вообще, откуда возникла эта категория – «молодежь»? Ведь еще в XIX веке во главе правительств, армий, среди писателей и общественных деятелей сплошь и рядом мы находим людей, которых сегодня отнесли бы к категории «молодежи». По-видимому, произошло какое-то возрастное социально-психологическое смещение, которое, кстати говоря, заметно почти во всем мире.

В перспективе истории этот факт объясним и оправдан. И не только истории, но и эволюции. Известно, что чем выше развито существо, тем длительней у него период «воспитания», заботы о подрастающем поколении. В человеческой культуре этот период растягивается еще и потому, что постоянно растет объем информации, освоить которую необходимо для профессиональной деятельности.

Если полтора-два десятилетия назад можно было считаться образованным человеком, учась «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь», то в наши дни годы учения занимают 10–15 лет, т. е. почти четверть средней сознательной и активной жизни. В этом заключается одна из причин возникновения такой категории, как «молодежь».

Сегодня мы все с тревогой отмечаем кризисные и болезненные явления в молодежной среде. Частично помогла тому гласность, открывшая многим глаза. Но я уверен, что социологи, владеющие не фиктивными данными, а достоверным материалом, уже давно вынуждены признать, что преступность, апатия, цинизм, погоня за острыми ощущениями нагнетаются в угрожающем темпе.

Как бы ни оценивали нашумевший фильм «Легко ли быть молодым?», надо признать, что он правдиво отразил симптомы «молодежного неблагополучия», хотя и не претендовал осветить все его аспекты.

Нередко можно слышать голоса, упрекающие во всем перестройку и демократизацию. Более того, враги обновления черпают в уголовной хронике главные заряды для своей «тяжелой артиллерии».

Но подобная постановка вопроса смахивает на страусову политику. Ведь скальпель гласности неизбежно должен был вскрыть многие нарывы, которые до сих пор лишь стыдливо припудривали. А ведь любой хирург знает, что процесс вскрытия нарыва дает отнюдь не приятную картину, так же как и весна, которая подчас освобождает из-под снега грязь, трупы – словом, все, что было скрыто под белой пеленой.

Важнейшая цель этой социальной операции в нашем обществе уже не раз была сформулирована. Ее можно выразить вопросом: «Как мы дошли до жизни такой?»

Вот откуда сегодня пристальное внимание к сталинщине, к тому, что ее породило и что сама она произвела на свет. Это отнюдь не политический мазохизм, не желание «копаться в нашем темном прошлом» и не желание «свалить все на Сталина». Без такого, пусть мучительного, анализа мы никогда не найдем ответов на актуальные вопросы. Где-где, а именно тут с наибольшей очевидностью работает правило: нельзя понять сегодняшнего дня без понимания дней минувших.

Спору нет, еще XX съезд и смелый шаг Н. Хрущева вызвали среди молодежи определенное смущение и растерянность. Крушение кумира повлекло за собой кризис той «идейности», искренней, а подчас лицемерной, на которую опиралась административная система. Но виноват в этом был не Хрущев, а те, кто годами насаждал культ кумира, воспитывал людей верноподданными слугами «дракона», называя это «советским патриотизмом». Те, кто осуществил

на практике мрачные антиутопии Замятина и Оруэлла, кто, по крылатому выражению наших дней, был «рожден, чтоб Кафку сделать былью».

Шарль Бодлер писал когда-то о «цветах зла». Теперь мы видим уже не цветочки, а ягодки – неизбежные «плоды зла». Плоды тех ядовитых сорняков, которые были посеяны несколько десятилетий назад.

Они не могли взреть в один день.

Но в конце концов этот день пришел.

Однако пришел не только он. Одновременно зазвучал призыв к покаянию, призыв к переоценке и пересмотру всего...

Хочется верить, что консилиум собрался к больному вовремя, что врачи не опоздали.

Важно, чтобы они не откладывая искали причины недугов, чтобы нашли действенные способы лечения.

В этой связи я хочу наметить лишь три темы для общего обсуждения.

1. Я уверен, что рост преступности проистекает не от слабости правоохранительных органов, хотя и к ним предъявляют немало обоснованных претензий. Даже если увеличить вдвое состав работников Министерства внутренних дел, даже если усовершенствовать методы следствия, судопроизводства, ужесточить законы, коренная причина преступности не будет устранена. Не уничтожит ее и повышение жизненного уровня (все знают, что часто правонарушители – дети из обеспеченных семей).

Для человека недостаточно «читать уголовный кодекс». Если в нем самом не будет жить и развиваться дух человечности, он рано или поздно станет «потребителем», циником, обывателем, мизантропом, сделает своим символом веры шкурнические интересы. А от этого до преступления – один шаг. Если нравственные основы жизни – иллюзия, условность, то страх перед наказанием едва ли сможет стать надежной плотиной от воли человеческого зла. Вот почему для отца Брауна, героя детективных рассказов Г. К. Честертона, было важно не просто разоблачить преступника, поймать его, сколько пробудить в нем совесть. Отец Браун хорошо помнил слова Христа о радости на небесах из-за каждого обратившегося грешника. Мы, христиане, убеждены, что борьба добра и зла происходит во внутреннем мире людей и лишь потом проецируется в общественные деяния. Мы убеждены, что нравственность – не условная концепция, изобретенная той или иной эпохой, а объективный закон, данный человеку свыше, как отражение воли Творца. Дар этот дан нам не в готовом виде, а требует развития и углубления, требует «культивирования».

Этой цели и служат религиозные традиции.

Мне возражат, что подобный подход уместен лишь для верующих. Согласен. Но ведь верующие составляют значительный процент нашего общества. Не следует забывать об этом существенном факте.

Между тем, верующие уже несколько поколений не просто третируются и подвергались давлению, но и внутри своих общин были лишены возможности развивать свою духовную и нравственную культуру. Почему?

Для такого развития необходимы были определенные условия: свобода внутриобщинной жизни, свободное распространение информации, просвещение, катехизация, создание культурных общественных религиозных движений, так или иначе возглавляемых церковным руководством (в христианстве и вне его). Остается печальным парадоксом, что большинство рядовых членов общин утратило представления о многих религиозно-нравственных принципах своей религии.

Такое положение дел насаждалось и поддерживалось едва ли не сознательно, а просвещенные и активные верующие рассматривались как подрывной элемент. Их толкали на

путь диссидентства, клеймили как отщепенцев. О каком же позитивном влиянии на общество можно было говорить в такой обстановке?

Если же говорить о людях нерелигиозных и атеистах, то, мне кажется, для них пришла пора более объективно оценить этические основы религий, не отбрасывая их как «предрасудок» и «пережиток». Более того, евангельское учение об абсолютной ценности личности и долге милосердия должно сегодня привлекать новое, благожелательное внимание со стороны тех, кто озабочен нравственным состоянием общества.

2. Сталинизм вырастил поколение конформистов, панически боящихся иметь собственное мнение. Он играл на полубиологическом инстинкте «подчинения вождю», на психологии холопа, жаждущего хозяина, твердой руки. Эта психология далеко не изжита и подчас приобретает агрессивные черты. Ей мы обязаны портретами Сталина, которые то тут, то там появляются на ветровом стекле...

Процесс «выдавливания из себя раба» происходит медленно. Он длится уже треть столетия.

К сожалению, ему слишком мало помогают. Скорее наоборот.

Мы давно уже привыкли к книгам и фильмам, где одиночки, своего рода донкихоты, часто из числа молодежи, ведут тщетную и неравную борьбу со склеротичным и косным аппаратом. Их судьба вдохновляет немногих.

Читатели и зрители находят здесь подтверждение тому, что они часто видят в жизни. Создается психология типа «моя хата с краю», «зачем мне это нужно?»

Молодежь глубоко разочарована в эффективности честной гражданской позиции, в целесообразности борьбы за справедливость. Отсюда ее равнодушие к общественным вопросам, довольно распространенная тенденция укрыться от них.

Снижение подлинной гражданской активности (я, конечно, имею в виду не цепкий карьеризм) – вторая причина преступности.

Социальная энергия юноши или девушки, не имея здорового применения, нередко направляется по каналам, ведущим к правонарушениям.

Создаются замкнутые паразитические «псевдообщества» со своими законами, которые больше влияют на сознание причастных к ним людей, чем общечеловеческие и гражданские принципы. Мелкая мафиозность, зарождающаяся иногда уже в школе, нередко подменяет радикализм, свойственный молодежи.

Наши хиппи и им подобные группировки обязаны своим возникновением не пресыщенностью благами цивилизации, а недоверием к общественной жизни.

Следовательно, начинать надо не с молодежи, а со старшего поколения. Именно оно должно возродить в себе чувство гражданской ответственности, и только тогда будет вправе спрашивать с молодых...

3. Мне кажется, все уже устали от заклинаний такого рода, как «мы самая грамотная страна в мире», «самая читающая» и т. д. В этом, конечно, есть доля правды. Литература, например, играет у нас роль, по-видимому, большую, чем на Западе, где иные семьи вообще обходятся без книг и довольствуются газетно-журнальным чтивом. Но почивать на лаврах опасно. В прессе все чаще появляются жалобы на плачевное состояние библиотек, музеев, памятников. Короче, забота о культуре рассматривается большинством чиновников как некая роскошь.

Однако это, с позволения сказать, упущение болезненно бьет по всему обществу. Пробелы в культурном воспитании тесно связаны с вопросом о свободном времени.

Как проходит досуг молодежи?

Можно ли считать нормой эти сиротливые сборища в подъездах – порой невинные, а порой уже вовлеченные в круг преступлений?

Даже в Москве, одной из крупнейших мировых столиц, пойти в свободный вечер или в выходной практически некуда. В кафе – очереди, музеи закрываются рано, и их поразительно мало. Молодежные организации с проблемой досуга явно не справляются. Дискотеки, спортгруппы, кино, театры (если хорошие, то малодоступны)... По пальцам можно перечислить варианты, которыми располагает молодежь. Неужели это не стоит внимания? Неужели не хватает фантазии? Ведь любой очаг здорового времяпрепровождения может спасти многих от соблазна пойти по кривой дорожке...

Сейчас, кажется, все это начинают принимать всерьез.

Появляются дискуссионные клубы, неформальные объединения, группы по защите и реставрации памятников. Однако и здесь не все так просто. Пользы будет мало, если движения не станут направлять опытные и квалифицированные люди, талантливые, любящие молодежь, сознающие важность дела. И они крайне нуждаются в поддержке. Да что в поддержке! Как минимум им хотя бы не следовало мешать.

Давным-давно, еще двадцать восемь веков назад, великий библейский пророк Амос заговорил о духовном голоде, который некогда будет терзать мир. Если голод физический разрушает тело людей, то голод духовный – их душу. Он создает вакуум в том нематериальном ядре человека, которое отличает его от животного. А, как говорится, «природа не терпит пустоты». И вот в эту опустошенную душу вторгаются полчища врагов: наркомания, алкоголизм, всевозможные формы «балдения» среди молодежи. Таков горький результат бездуховности.

И опять-таки религиозные общины нашей страны могли бы внести определенный вклад в возрождение духовных ценностей.

Пусть у нас нет пока опыта. Мы не будем стыдиться заимствовать опыт из нашего прошлого и у наших зарубежных собратьев по вере. Неформальные движения религиозной молодежи – дело будущего. Но это вещь вполне реальная и конституционная. Если, повторяю, она будет не анархической, а связанной с руководством, с фундаментальными принципами церквей и религий, она не повредит обществу в целом, а только будет способствовать его оздоровлению.

Когда я писал эти заметки и поделился их идеями с одним нерелигиозным человеком, он сказал: «Вы касаетесь тем, которые у нас принято называть негативными». А не задумывались ли вы: почему Бог, если Он благо, не остановил всех ужасов нашего столетия?»

В ответ я напомнил ему знаменательный диалог в романе Герберта Уэллса «Джоан и Питер». Уэллс не был христианином, но подчас высказывал мысли, близкие христианству.

Герой романа спрашивает Бога о том же: почему в мире так много зла?

– А что? Вам, людям, это не нравится? – спросил Бог.

– Конечно, нет.

– Тогда измените все это, – был ответ.

И в самом деле, человечеству даны идеалы жизни, которые вдохновляли Паскаля и Достоевского, Андрея Рублева и Сергея Радонежского, доктора Гааза и мать Марию. При этом людям было сказано, что отход от идеалов ввергнет мир в хаос.

Стоит ли нам пассивно ждать нового всемирного потопа, или мы все же придем в себя и вернемся на путь разума, творчества, любви?..

(Статья была напечатана в газете «Совершенно секретно», 1990, № 2 (июль), с. 9).

«Карабах» или «Вифлеем»? (Рождественское размышление)

Говоря «Карабах», я имею в виду не только «эту горячую точку» нашего отечества. Оно – собирательный символ бесчисленных трагедий, которые стремительно следуют одна за другой на самых разных широтах Земли.

Пусть различны конкретные причины, вызывающие то тут, то там вспышки озлобления и насилия, остается общая картина беды. Площади Пекина и Тбилиси, Ольстер и Иерусалим, Сумгаит и Кабул, Африка и Латинская Америка... Даже традиционно миролюбивая Индия стала ареной кровавых столкновений. Невольно рождается чувство, что народы и племена, страны и правительства, вожаки и толпы – весь род человеческий фатально катится в бездну самоистребления.

Идеологии и традиции, политические и национальные лозунги, культы и языки становятся оружием, направленным против человека.

Говорят, что самая противоестественная война – война гражданская. Недаром ее так страшно изобразил Сальвадор Дали на своем знаменитом полотне. Однако не пора ли, наконец, признать, что мы стали свидетелями мировой гражданской войны всех «детей Адама», терзающей его единое тело?

Она не утихает ни в дни боевых действий, ни в дни «мира». Террор и ненависть не знают перемирий. Их подогревает неслыханный рост беззаконий, преступности, наркомании. Кажется, наш век, сломав какую-то преграду, оказался перед лицом разъяренных волн. Это происходит на наших глазах, но началось это не сегодня и даже не вчера.

Грозная песнь реквиема о «Дне гнева» звучит над Землей уже десятки лет. Надо ли напоминать? Буйство нацистов, сталинцев, полпотовцев... Слишком велик и страшен перечень. Забыть? «Спрятать голову под крыло?» Но разве это может изменить что-либо в эскалации демонизма?..

И вот сегодня снова, как две тысячи лет назад, над клокочущим миром тихо сияет Рождественская звезда, звезда Вифлеема. Призыв и предостережение Вечности, обращенные ко всем нам.

Вот почему Рождество – это не только «детский праздник», не просто «праздник семьи», праздник веселья и отдыха, каким его подчас делают во многих странах мира.

Для некоторых Рождественская звезда – не более чем украшение на елке, и тем самым они выхолащивают глубинный смысл этого священного дня.

Звезда Христова напоминает людям об их высшем призвании. О той священной искре, которую Творец заронил в них, чтобы они превратили ее в живительное пламя любви и свободы, веры и творчества, милосердия и солидарности.

Когда-то Николаю Бердяеву предложили известный софизм: может ли Бог создать такой камень, который Сам не смог бы сдвинуть? И философ быстро ответил: этот камень – человек.

Церковь всегда учила, что спасение человека от зла, а с ним и всей природы, невозможно без активного участия самих людей. Мы – образ и подобие зверя, но в том, что составляет главную нашу сущность, мы – образ и подобие Создателя. Поэтому свобода, наше неотъемлемое свойство, призвана служить преобразению зверя, реализации тех чудесных потенций, которые заложены в нас. Но возможно ли это, если человек будет исходить только из самого себя?

Вот уже несколько веков мир тешится такого рода иллюзией. Он старается не замечать «Вифлеема», не видеть кроткого сияния той, евангельской, звезды.

Упоенные наукой, гордясь своей властью над стихиями, мы, люди, слишком долго рассчитывали на познание законов природы, от которого ждали мира и счастья. Но этого не произошло. Попав в руки зверя, наделенного рассудком, знание не только не спасло цивилиза-

цию, но стало ее «мemento мори», ее дамокловым мечом. И повинно здесь не само знание, не разум, данный человеку от Бога, а помраченность духа, оказавшегося бессильным перед стихией зверя.

Мы, люди, рассчитывали на идеалы секулярного, светского гуманизма, которым так гордилось истекшее столетие. Оно считало, что уже не нуждается в свете Вифлеемской звезды, ибо нашло свои нравственные скрижали. Однако скрижали эти оказались хрупкими, как стекло, первые же удары мировой войны разнесли их вдребезги. Гуманизм был безжалостно раздавлен сапогами диктаторов, политических маньяков, разбушевавшихся толп. Оказалось, что зверь лишь притаился и, набрав сил, вновь понесся по планете, круша все на своем пути. И опять-таки дело не в гуманизме как таковом, а в забвении высших, божественных истоков добра.

Мы, люди, думали, что техника, комфорт, быт, обеспечивающий оптимальные условия труда и отдыха, решат все проблемы. Но пример высокоразвитых стран доказал, что и этот расчет – иллюзия. Пример высокоразвитых стран красноречиво показывает, какими нравственными, культурными и экологическими опасностями чревата техническая цивилизация, куда ведет пресыщение, «этический материализм», жадное и неутолимое «потребительство». Разумеется, хорошо, когда люди сыты, одеты, имеют нормальное жилье и могут пользоваться достижениями техники в быту. Но превратить это в единственный идеал – значит сделать смысл жизни ущербным, ввести человека в тупик бездуховности.

Мы, люди, веками грезили о таком преобразовании общества, которое принесло бы всем благоденствие и процветание, где воцарятся свобода, равенство, братство. Но еще опыт террора в дни Французской революции явился предупреждением, прообразом всего, что совершалось в наш век. Если священным на земле становится не человек, его жизнь, права и достоинство, а общественный порядок, то во имя этого порядка можно истреблять тысячи, а потом миллионы, словно ничтожную накипь или плесень. И снова нужно признать, что идея улучшения социального порядка как таковая обладает величием и ценностью. Однако, став самодовлеющей, претендуя на роль религии, попирая личность, она приходит к обратным результатам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.